

АННА МАКАР

**ПЯТЬ МИНУТ, ЧТОБЫ
СДЕЛАТЬ ВЫБОР**

16+

Анна Макара

Пять минут, чтобы сделать выбор

«Автор»

2020

Макар А.

Пять минут, чтобы сделать выбор / А. Макар — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-97221-6

Сборник рассказов, в каждом из которых перед героем встает нелегкий выбор. Одиннадцать отдельных историй: фантастических, приключенческих, мистических, детективных, трагических. Каждая заставит вас задуматься: "А как бы я поступил на их месте?"

ISBN 978-5-532-97221-6

© Макар А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
Дин	6
Пять минут	8
Выбор	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Макар

Пять минут, чтобы сделать выбор

От автора

Я хочу написать книгу. Некоторые из этих историй были ее началом, но выросли лишь до рассказа. Долгое время я считала, что малая проза – не тот формат. Но потом решила: а почему нет? Пусть, пока моя книга еще не готова наполовину, свет увидят хотя бы мои рассказы. Это мои самые первые тексты, а также истории, написанные в рамках марафонов и челленджей. Любой ваш отзыв: негативный («что за фигня?») или положительный («ну ниче так!»), – для меня большая отрада. Если же вы напишите мне просто «я прочел», это уже будет греть мое сердце. Надеюсь, вы не заскучаете за прочтением моих маленьких творений.

В тринадцать лет я написала сценарий к кинофильму о крушении поезда, героями которого стали мои одноклассники. Естественно, никакого кино никто не снял. В двадцать пять, на пике моего увлечения научной фантастикой, я пыталась написать книгу о глобальной катастрофе, но дальше нескольких сцен в жанре «боевик» дело не зашло. Я неосмотрительно вслух зачитала знакомым первый же черновой вариант и стыдливо забросила его в дальний угол.

Настоящий пинок моим тайным планам дало прочтение великолепной вдохновляющей работы Стивена Кинга «Как писать книги?». В процессе написания текста по упражнению из книги (вы можете найти его в сборнике) я поняла, насколько мне нравится это занятие. Потом был Бойцовский клуб писателей, к сожалению, недолго просуществовавший. Каждая тренировка клуба приносила огромную порцию вдохновения, в рамках него написаны рассказы «Стройка», «Дин». Рассказ «Пять минут» выиграл единственный, проведенный в клубе, бой. Благодаря главе клуба Софии я решила отправить рассказ «Стройка» в электронный журнал «13миллиметров». Сейчас эта история расширена и дополнена некоторыми подробностями, и в будущем, я надеюсь, дорастет до повести или даже книги. Но здесь я опубликую ту самую, первую, часть. Хочу также выразить огромную благодарность вышеупомянутому журналу, его руководству и всему коллективу. На страницах «13миллиметров» опубликованы мои работы «Стройка» и «Хочется одиночества». В рамках писательского челленджа «Джуманджи» написан рассказ «Выбор», который признан победителем челленджа и также опубликован в журнале.

Как я читаю несколько книг разной тематики параллельно, так и пишу несколько текстов. Сейчас я работаю над мистическим детективом, романтической книгой о двух незнакомцах, опоздавших на поезд, и антиутопическим рассказом о закрытом поселке. Так что, если вы когда-нибудь встретите в книжном магазине одну из этих историй, то я справилась. А сейчас можете приложить к этому руку, оставив отзыв на сборник на сайте ЛитРес, написав мне в соцсетях или подписавшись на мой инстаграм @annamakarixa

Дин

«С Дином я познакомился вскоре после того, как расстался с женой. Я тогда перенес серьезную болезнь, распространяться о которой не стану, скажу только, что она имела отношение к страшно утомительному разводу и еще к возникшему у меня тогда чувству, что кругом все мертво...»

На дороге – Джек Керуак

...Я и сам был тогда почти что мертв. На вечер у меня были большие планы – собственное убийство. Я заранее прибрал квартиру, купил таблетки, написал прощальную записку сестре, составил завещание, даже выгладил парадный костюм.

Напоследок я решил устроить себе королевский обед. Я зашел в кафе, сел за первый же свободный столик и раскрыл меню. Однако мое внимание привлек сидевший напротив меня мужчина своим до неприличия довольным видом. Тогда, конечно же, я не знал его имени. Он смотрел в окно с такой улыбкой, что мне почему-то стало интересно, о чем он думает. Я подсел за его столик и молча уставился на него, размышляя. Хочу уточнить, что, будучи в здравом уме, я бы на такое никогда не решился. По жизни я старался соблюдать рамки приличия, может, как раз поэтому мой развод столь затянулся. Дин посмотрел на меня, ничуть не смутившись и не разозлившись, улыбнулся и протянул руку.

– Дин! А тебя как зовут, приятель?

Вот так вот запросто! Как тебя зовут... Да еще и приятель... Наверное, именно в тот момент мои грандиозные планы на вечер пошатнулись. Мы просидели в кафе три часа кряду, съели по две порции изумительных стейков и выпили немало вина.

Как оказалось потом, у Дина по жизни все было так просто. Хотя нет, у него была масса проблем, о которых он предпочитал не рассказывать, но его отношение ко всему было оптимистичным, философским. Он смог помочь мне не просто продолжить жизнь, а наладить ее.

В тот день мы распрощались будто старые друзья. Подумать только, я рассказал ему все о Бетти, о ее изменах и предательстве старого друга, о болезни и о том, какой глубокий след оставили все они на моей душе. Дин не жаловался и не сочувствовал, а, улыбаясь, старался найти положительное в каждой моей трагедии. К концу вечера я уже был уверен, что и сам давно мечтал расстаться с женой. Кажется, я тогда смотрел на Дина влюбленными глазами. Надеюсь, только он этого не заметил, а не то мог бы подумать чего недоброго.

Мы проводили в этом кафе каждый вечер на протяжении двух недель. Смеялись как полоумные, ели, пили и обсуждали жизнь, в основном мою. В конце концов Дин уговорил меня исполнить давнюю мечту – отправиться в Австралию. В тот же вечер я собрал чемодан и заказал ближайший билет на деньги с семейного счета – немного, что при разводе досталось мне. Наш дом, машина и даже старый катер отошли жене. Хорошо хоть крохотная квартирка моих родителей не подлежала разделу.

Через два дня Дин пришел провожать меня в аэропорт, мы обнялись перед терминалом как родные братья. Я уже опаздывал, поэтому, когда Дин сунул мне в руку конверт, я просто запахнул его в карман, не особо понимая, что это может означать.

Самолет взлетел, я отстегнул ремни, и только тогда вспомнил о конверте. Я с предвкушением раскрыл его. Но когда развернул бумагу, исписанную крупным почерком, почувствовал неладное. На обычном тетрадном листе Дин писал:

«Дорогой мой друг! Я рад, что судьба свела наши дороги. Мне самому осталось совсем немного, но я особенно благодарю Всевышнего, что Он позволил мне продлить твою жизнь. Теперь я чувствую, что жил не зря. Огромным утешением для меня стал твой отъезд в Австра-

лию. Это начало твоей новой жизни. И я так рад, словно это и моя жизнь тоже. Забудь все, что тебе пришлось пережить. Теперь это в прошлом, а впереди у тебя только свобода. Ты здоров! Ты молод и полон сил! Радуйся каждому дню! Люби! Путешествуй! С любовью, уважением, а также огромными надеждами, что ты исполнишь все свои мечты. Твой друг навсегда. Дин».

Я скомкал листок и невидящим взглядом уставился в иллюминатор, в глазах стояли слезы. Но я сразу опомнился и разгладил письмо, потом аккуратно сложил и засунул его в нагрудный карман. Письмо стало последним и единственным напоминанием о моем лучшем друге, подарившем мне целую жизнь...

Пять минут

На железной двери кабинета транспробации заполнился зеленым светом последний, пятый круг загрузки.

– Наконец-то, – вскочила со скамьи Анастейша, – моя очередь.

– Удачи! – улыбнулся ее одноклассник, Генрих. – А я следующий.

Через несколько секунд оттуда вышел счастливый Сергей. Он украдкой показал девушке большой палец и проследовал в соседний консультационный кабинет. Анастейша выдохнула и вошла.

– Счастливой жизни! – поприветствовала она строгую женщину в белой униформе сотрудника Центра планирования с гладко прилизанными волосами, собранными в пучок на затылке, и протянула ей свою идентификационную карту.

– Счастливой жизни, – сухо ответила она, взяла карту и указала девушке на стул. – Определитесь с пробой? Что выбрали?

– В этом году только пять, да?

– Все верно. Было решено, что десять это слишком много. Называйте, что выбрали, – женщина склонилась над протоколом с ручкой.

– Я думаю, космонавт, потому что...

– Не важно! – со вздохом перебила сотрудница. – Просто назовите.

– Космонавт, косметолог, учитель, врач и певица.

– Хорошо, – подытожила женщина, однако, по выражению лица ясно было видно, что выбор кажется ей банальным. – Ложитесь.

Анастейша легла в капсулу, напомиравшую горизонтальные солярии, которые судя по историческим фильмам, были в ходу лет пятьдесят назад. Женщина нажимала кнопки капсулы и скучающим тоном рассказывала заученные правила:

– Каждая проба занимает минуту. Для вас это будут несколько часов. После апробации я выдам вам листок с последствиями каждой пробы. Как только я отключу капсулу, пройдете в консультационный кабинет, ни с кем не разговаривая! Счастливой жизни, – добавила она и захлопнула капсулу.

Анастейша закрыла глаза.

Анастейша открыла глаза. Она лежала не в капсуле, а на мягкой широкой кровати. На круглых голографических часах значилось инопланетное время. «Космонавт», – улыбнулась она. Девушка встала с кровати и посмотрела в большое зеркало во всю стену. Она выглядела немного старше. Вместо восемнадцати ей слегка за тридцать. Русые волосы без намека на седину. Однако, стрижка короткая, вероятно, так удобнее в космических полетах. Она посмотрела на себя с разных сторон. Симпатичная: тело подтянутое, даже лучше, чем на самом деле.

Анастейша раздвинула жалюзи и обомлела. За окном сияли тысячи, нет, миллионы звезд. И поверхность планеты явно неземная – синие и красные полосы плавно переходили друг в друга.

– Что же это за планета? – прошептала она, прикрыв рот рукой. Она скорее хотела познакомиться со своей возможной жизнью поближе. Девушка вышла из комнаты в длинный коридор со множеством таких же дверей.

– Счастливой жизни, – отдал честь ей молодой человек в скафандре, держа шлем под мышкой, и прошествовал мимо.

Девушка улыбнулась: «Хм, я начальник?».

Анастейша вернулась в комнату, у выхода висел скафандр из легкого, но прочного пластика. Им еще в школе рассказывали про этот новейший материал. Уловив свои мысли, Анастейша усмехнулась. Еще в школе? Это же было всего пару недель назад. Тогда она и решила, что неплохо бы побывать в космосе. Девушка надела скафандр, взяла в руки шлем и пошла в ту сторону, где скрылся молодой человек.

В конце коридора, открыв высокие герметичные двери, она увидела огромный зал, сотню столов с компьютерами и кишущих туда-сюда людей. Некоторые – в скафандрах, остальные – в простых синих комбинезонах. Одни отдавали ей честь, проходя мимо, другие – кивали. Она обошла зал, раздумывая, где ее место в этом муравейнике.

– Счастливой жизни! – поприветствовал ее симпатичный молодой человек и указал на шлем в ее руке. – Собираетесь сегодня в экспедицию? Но ваша группа выходит только послезавтра. Сегодня Эрик со своими. А мои завтра.

– Да, – неуверенно протянула Анастейша. – Я перепутала.

– Ну, раз сегодня все свободны, – он обворожительно улыбнулся. – Может поужинаем сегодня вместе? Говорят, с Земли привезли фрукты.

– Я не против.

Внезапно завывла сирена. В зале началась паника. Всё резко преобразилось, будто сменили декорации.

– Что происходит? – крикнула Анастейша, но никто ее не услышал.

Раздался грохот, потом вспышка. «Надо бы надеть шлем», – подумала она, и все потемнело.

Второй круг загрузки начал потихоньку заполняться.

Анастейша проснулась в темной комнате. Толком ничего не удалось разглядеть, кроме того, что от стены до стены здесь метра три – не больше. «Супер. Это кем же мне точно не надо быть?». Она села в кровати, свесив ноги, и тут же почувствовала боль в спине и коленях.

– Ого, что это такое? – сказала она скрипучим, старческим голосом и задыхнулась от удивления.

Анастейша хлопнула в ладоши. Достаточно громкий хлопок вышел далеко не сразу, ладони оказались хрупкими, кожа тонкой и мягкой. Все же свет включился.

Она подошла к зеркалу (это заняло раза в три больше времени, чем она рассчитывала) и обомлела. Седые редкие волосы, сквозь которые просвечивала кожа, морщинистое лицо с отратительными пигментными пятнами.

– Ей лет девяносто, не меньше! – прошептала она. – Вернее, мне.

Вспомнив, что это всего лишь очередная проба, а не реальность, Анастейша выдохнула и попыталась разобраться, какой выбор она сделала здесь. На первый взгляд, в комнате ничего говорящего. Она открыла по очереди ящики комода – нижнее белье, носки.

Потом дверки шкафа: невзрачные вещи на вешалках. Она попыталась найти хоть что-то: фотографии семьи, блокноты, книги. Ничего. Только эта маленькая квадратная комната. Анастейша выглянула из окна. Вид как из больницы: большой двор и кованый забор по периметру. Она вышла в коридор, прошла, держась за поясницу (каждое движение отдавалось болью), до большого холла и все поняла: это дом престарелых. Перед телевизором словно статуи сидели старики.

– Вы почему встали? – к ней подлетела молоденькая медсестра. – Что-то случилось?

– У меня есть семья?

– Вы же знаете, что нет, – с жалостью ответила медсестра, не удивившись подобным вопросам. В таком месте не редкость провалы в памяти.

– А кем я работала?

– Вы, – медсестра взяла ее под руку и повела обратно в комнату, – работали учителем. Ученики вас очень любили и до последнего времени вас навещали. Но сейчас им всем самим уже по пятьдесят. Куча забот. Вы отдыхайте. Принести вам новую книгу?

Анастейша кивнула.

Медсестра оставила ее, сбегала куда-то и вернулась с книгой, судя по обложке любовным романом. Она довела старушку до комнаты и собралась уходить, когда Анастейша спросила:

– А сколько мне лет?

– Месяц назад вам исполнилось сто два, – с улыбкой ответила медсестра и закрыла дверь.

– Сто два... – прошептала Анастейша. – И почему я должна ждать?! Я уже все поняла.

Она взяла книгу, легла и углубилась в чтение. В груди что-то жгло. Анастейша то спала, то читала, ожидая следующей пробы. На улице стемнело. Она прочла уже всю книгу, когда почувствовала нестерпимую боль в груди, с трудом села на кровати, попыталась позвать на помощь, но вышел только сдавленный хрип. Перед глазами потемнело...

Тяжело дыша, Анастейша проснулась и схватилась за сердце.

– Какой кошмар!

Отдышавшись, она огляделась. Белые стены, как в больнице. Сначала даже не поняла, это ее привезли в больницу с инфарктом или началась следующая проба. Потом посмотрела на свои руки: не молодые, но точно не столетней старухи. «Отлично! Значит, я врач, а не пациент».

Девушка встала с дивана.

«Видимо, это комната отдыха для врачей. Я что здесь и живу?»

Она накинула халат, на котором висел бейдж с ее фото. Не сильно изменилась: да, старше, есть немного морщин, но все еще привлекательная женщина. Ниже значилось: «Анастейша. Косметолог».

С улыбкой девушка вышла в коридор и, читая таблички, нашла свой кабинет. Ее уже ждали клиенты. В кабинете она увидела фото своей семьи: муж с шикарной рыжей шевелюрой и грудной ребенок, вроде бы мальчик, с потрясающими огромными зелеными глазами. Ей было немного страшно, как принимать клиентов, она ведь ничего не умеет, но когда первая женщина легла на кушетку, Анастейша таинственным образом знала, что делать.

Эта проба была приятной. Клиенты все как один заходили к ней с улыбкой. Некоторые приносили ей шоколадки или экзотические фрукты. Анастейша получала удовольствие от проведения процедур. Наносила маски, делала массаж, чистила кожу. Рабочий день она окончила удовлетворенной, попрощалась с коллегами и вышла на улицу.

– Счастливой жизни, – помахала ей девушка за регистрационной стойкой. – У вас, как всегда, аврал. Вам звонил муж, просил поторопиться. Как хорошо, что вас ждут дома.

– Да, это чудесно. Спасибо. Не могли бы вызвать мне такси?

– Конечно, – воодушевилась девушка. Она несколько раз ткнула в планшет и широко улыбнулась. – Все готово, вас ждут напротив больницы.

– Спасибо, – поблагодарила Анастейша и вышла.

На противоположной стороне она увидела желтую машину такси и направилась прямо к ней. Таксист кричал ей что-то и махал в сторону. Анастейша оглянулась и успела увидеть бампер грузовика, несущегося на нее.

Загорелся четвертый круг загрузки.

Анастейша проснулась в слезах. Она лежала на жесткой лавке, наверху было маленькое окно с решетками. Камера? Тюрьма?

Она вскочила и забарабанила в дверь. Через какое-то время в железной двери открылось небольшое окошечко. Оттуда суровым взглядом на нее посмотрел мужчина:

– Че надо?

– Почему я здесь? – воскликнула девушка.

Мужчина усмехнулся и закрыл окошко.

Анастейша осела на пол, обхватила голову руками. Сколько она так просидела было непонятно. Наконец, дверь скрипнула и открылась. В камеру вошел мужчина в форме и двое вооруженных охранников.

– Вам пора! – сказал старший.

– В чем меня обвиняют? – Анастейша подняла на него опухшие глаза.

– Вас уже давно не обвиняют. Ваши преступления доказаны. Вы брали непомерные взятки, из-за чего пострадали люди! – он раздраженно оборвал сам себя. – И не пытайтесь сейчас изображать амнезию. Сегодня будет приведен в исполнение смертный приговор.

У Анастейши упало сердце. Она закричала и попыталась укрыться в дальнем углу. Двое охранников скрутили ей руки и вывели из камеры. Ее провели по длинным коридорам и отпустили, оставив стоять лицом к гладкой железной стене.

– У меня есть семья? – сквозь всхлипы простонала она.

– Вы нормальная?! – один из охранников схватил ее сзади за ворот робы, склонился над ней и прорычал в самое ухо. – Вы захапали себе все больничные деньги, выделенные на оборудование. Когда вашему же сыну понадобилась помощь, его не успели спасти. И моего тоже! – он толкнул ее. Анастейша ударилась об стену.

Старший зачитал приговор и дал отмашку. Анастейша услышала звук выстрела, ощутила мимолетную резкую боль, и наступила темнота. Снова...

Пошел последний круг загрузки. Генрих, выбирая ритм ногой, торопил его: «Скорее, скорее».

Анастейша боялась открыть глаза. Она все еще всхлипывала. Но поняла, что уже началась пятая проба, темнота перестала быть абсолютной, сквозь веки пробивался свет. Девушка собралась с духом и распахнула глаза. Она оказалась в трейлере. Со стен и потолка на нее смотрели плакаты красивой девушки в украшениях и ярком макияже, если не сказать в гриме. Это определенно была она сама. Певица.

– И что мне снова придется умирать? – взмолилась Анастейша.

В трейлер без стука вошел мужчина в обтягивающих черных брюках.

– Что Вы сказали? Вам что-то принести? – подобострастно спросил он.

– Нет, – отмахнулась она, а потом увидела в его руке пистолет.

Она обреченно выдохнула: «Опять пуля». И упала.

Анастейша снова открыла глаза. На нее смотрела женщина с прилизанным пучком волос.

– Поднимайтесь, – скомандовала она.

Девушка молча встала, забрала листок с результатами и вышла из кабинета.

Стоявший у двери на изготовке Генрих испуганно отшатнулся, увидев ее заплаканное лицо.

– Что случилось? – прошептал он.

Анастейша прошла мимо, опустив голову.

В консультационном кабинете за столом сидел мужчина лет сорока с отвратительной редкой бородкой как у старого козла. Зато на голове у него было абсолютно пусто. Девушка села в кресло напротив и протянула ему листок.

– Неплохо, есть из чего выбрать, – сказал мужчина, поглаживая свою козлиную бороду.

Анастейша подняла на него опухшие глаза.

– Что такое? Вы расстроились из-за неудачных проб? В целом-то транспробация прошла успешно. Есть из чего выбрать, – улыбнулся он.

– Нет!

– Есть, – вновь повторил он.

– Из чего вы предлагаете выбрать? Из вариантов смерти? Почему вообще показали именно эти последние часы? Я дважды получила пулю, меня сбила машина, стукнул инфаркт, и еще не пойми что случилось: взрыв или что это вообще?! – она уже рыдала.

– Ну... – попытался урезонить ее бородатый, – вот учителем вы дожили до 102 лет.

– Ага, в полном одиночестве!

Анастейша вытерла слезы и попыталась успокоиться.

– Что вы думаете по поводу апробации в целом?

– Ничего хорошего, – вздохнула она.

– Тогда что вам запомнилось больше всего?

– Эээ... – задумалась девушка и невольно улыбнулась, – Наверное, глаза малыша на фотографии.

Козлобородый с минуту молча смотрел на нее, пока Анастейша не спросила:

– А я могу что-то исправить в этом будущем?

– Это никому не известно. Видите ли, апробация проводится не так давно, чтобы можно было располагать достоверными статистическими данными.

С тяжелым сердцем после пережитого, но с твердой уверенностью, что она никогда не побежит к такси через всю улицу, Анастейша вышла из кабинета.

Внизу ее ждал Сергей. Его шикарная рыжая шевелюра растрепалась на ветру. Он прижал к себе и поцеловал Анастейшу.

– Ты чего такая грустная?

– Это тяжело.

– Видела меня?

– Да, – покраснела девушка, – и нашего ребенка.

– Я тоже. В каждой пробе.

Девушка удивленно подняла брови.

– А ты что нет?

– Нет, только в одной, – она не стала упоминать, что в одной из проб у нее тоже был ребенок. – Поэтому я не знаю, что мне делать. А почему ты вышел такой довольный? Ты что не умирал там?

– Все видят в пробах последние часы своей альтернативной жизни. Так что и я тоже умирал. Но я все равно выберу другую профессию, не одну из этих.

– Почему?

– Главное, я понял, что кем бы я ни был, все равно я буду с тобой. Так что буду тем, кем захочу. И ты можешь быть, кем захочешь.

– Нет, а вдруг только в этом случае...

– Шшш... – Он прижал палец к ее губам. – Не делай то, что могло привести к тем последствиям, и все. Только мы определяем наше будущее.

Анастейша улыбнулась и прижалась к нему еще крепче.

Вместо будильника сегодня ее разбудил смех. Она накинула халат и прошла в кухню.

– Ну что готов? – она чмокнула сына в лоб и подошла к плите.

– Ну ма-а-ам, – отмахнулся Джаред, – я что малыш?

– Для мамы ты всегда малыш, – ответил Сергей и добавил громким шепотом. – А для меня – мужик! Сегодня можешь позволить себе баночку пива. – Анастейша смерила их шутиво-сердитым взглядом.

– Подумать только, выпускник! – продолжал восклицать Сергей. – Помню, я в твои годы...

Анастейша не слушала. Она мысленно вернулась к пробам сына. Теперь сеанс транс-пробации можно было записать на носитель. Вчера они всей семьей просмотрели их. Все пять были прекрасным будущим для ее зеленоглазого «малыша».

Она наконец-то наслаждалась жизнью, отбросив страхи. Ее лицо уже прорезали первые морщины. Другие, такие, как ее клиентки, расстроились бы. Но она радовалась, потому что теперь видела в зеркале другое отражение, не похожее на то, из третьей пробы.

Выбор

1. Один в лесу

В голове дико стучало. Подмышки саднило. Глаза не хотели открываться, они опухли, будто после пьянки. Попытка перевернуться набок тоже не удалась. Мышление медленно возвращалось на место. Я понял, что нахожусь не в своей постели, и даже не в чьей-либо еще. Никакой постели не было вовсе. Я висел! Это обстоятельство до того меня напугало, что я разодрал-таки сопротивляющиеся глаза и обомлел. Перед моим лицом густо росли листья. Я зажмурился и досчитал до десяти. Пусть все исчезнет! Но раздражение под мышками никуда не делось. Пение птиц на все голоса, казалось, звучало только сильнее. Я снова открыл глаза.

– Что за черт?! – прошипел я, и ящерица, вальяжно растянувшаяся на ветке, скользнула прочь.

Мое тело оказалось подвешенным на ремнях. В ветвях над головой запутался парашют. Откуда это? Я никогда не прыгал с парашютом. Где я? Как я тут оказался? На меня накатила паника. Я закричал: «Э-э-эй! Лю-юди!», – и задержал ногами, о чем мгновенно пожалел, потому что резко провалился вниз на полметра.

Я закрыл глаза и попытался успокоиться. Глубоко вздохнув, медленно выдыхал. Так я провисел с минуту. Хотя трудно было судить о времени. Потом снова открыл глаза. Ящерица вернулась на свое место и теперь лупоглазо смотрела на меня.

– Пш! – зыркнул я на нее, и она снова исчезла.

Решив, что паникой не поможешь, я заставил себя думать трезво. Первым делом нужно спуститься на землю, а потом уже разберусь, как я вообще сюда попал. Из-за густой листвы было не видно, насколько высоко я очутился. Но непроглядная зелень сверху давала надежду, что не на вершине. К тому же ящерица вряд ли бы забралась слишком высоко. Хоть какая-то польза в этой страхолюдине.

Очень хотелось в туалет. Справить нужду в таком положении было невозможно, так как доступ к моим интимным частям тела ограничивали ремни. Делать нечего. Иного пути спуститься у меня не было, и я просто нажал на застегки. Ремни отстегнулись. Я полетел вниз, попытался сгруппироваться, но не успел. Земля встретила меня слишком быстро. Левую ногу пронзила острая боль, я вскрикнул и упал набок. Прележав так какое-то время и любовно баюкая свою ногу, я все-таки собрался с духом, встал, с невероятным облегчением справил нужду и осмотрелся. Да, никаких опознавательных знаков. Я мог быть в любой части Земли, кроме разве что Антарктиды, а то и вообще на какой-нибудь Альфа-центавре. Кто докажет, что там нет таких лесов? Подняв взгляд вверх, я оценил преодоленное расстояние. Метра три – не меньше. Хорошо, не сломал ногу. Густая трава и толстый слой прошлогодних листьев отлично смягчили падение.

Я растер многострадальные подмышки. Сколько я там провисел, что их так натерло? И почему их вообще натерло? Я думал, парашютные ремни должны быть удобными.

Судя по солнечному свету, пробивающемуся сквозь деревья сверху, сейчас день. Деревья вокруг толстые, повсюду валежник, высокая густая трава и никаких намеков на тропинку. Лес явно дикий. Насколько я мог судить, такие леса находятся где-то в средней полосе. Надеюсь, что все-таки в средней полосе Земли. Я глупо хохотнул.

Я подошел к одному из наиболее толстых деревьев и удобно устроился в его корнях. Нужно было спокойно продумать план. Для начала осмотреть себя. На ногах кроссовки, уже хорошо. Джинсы. Какой идиот прыгает с парашютом в джинсах?! Спортивная олимпийка, простая футболка с надписью «Just do it». Странно, но этих вещей я не узнавал.

В голове всплыло имя – Ник, но я сомневался, что это мое имя, потому что ничего кроме него о себе вспомнить не мог.

Как ни странно, страшно мне не было. Скорее я был ошеломлен. Я что же решил прыгнуть с парашютом и так перепугался, что потерял память? Голова-то была не повреждена.

Я обшарил карманы и с облегчением обнаружил в кофте складной нож. В джинсах только пару смятых билетов, к сожалению, нечитаемых, так что извлечь какую-то информацию касательно моей личности не удалось. Без зазрения совести я отбросил их в сторону. Не в моей ситуации заботиться о чистоте природы. Больше с собой ничего не было.

Засиживаться было некогда. Я встал и направился в сторону, к которой висел спиной. Маловероятно, что прилетел я именно оттуда, но что-то же нужно выбрать.

Я продвигался медленно из-за густо переплетенных веток кустарников, чаще всего колючих и цепляющихся за одежду. К тому же я старался запомнить путь, чтобы не блуждать по кругу. Для этого специально ломал ветки и, где возможно, делал зарубки на стволах деревьев. Ориентироваться по солнцу было сложно, так как его самого не было видно сквозь листву, но кое-где было понятно, откуда падает свет по теням от деревьев. Нога не беспокоила, я был больше чем уверен, что до поры до времени. Хотелось есть, но собрать часто встречающиеся ягоды с кустов я не решался. Вдруг отравка какая. В чем-в чем, а в том, что не ботаник, и не смог бы отличить волчью ягоду от брусники, я был уверен. А всем известная малина, к сожалению, не попадалась.

Когда редкие пробирающиеся сквозь чашу солнечных лучи уже падали косо, я обнаружил ручей и набросился на воду, совсем позабыв о том, что она могла быть грязной. Это меня обнадежило, ведь где вода – там люди. Недалеко я нашел исток ручейка – подземный ключ. Отлично! Значит, о чистоте беспокоиться и не стоило. Я почти весело направился вслед за бегущим ручейком. Однако чуть не расплакался, когда спустя полчаса ручей скатился с крутого обрыва в овраг. На свободном пространстве резко подул слишком свежий ветерок, не принесший никаких радостных вестей. Хоть бы почуять запах бензина или моря. Нет – только аромат леса. На другой стороне кроме деревьев не было видно ничего. Ни линий электропередач, ни самолетов. Но сам вид голубого неба меня слегка успокоил. А то несколько часов, проведенных в буйстве зеленых красок, уже начинал действовать на нервы.

Темнело, а я преодолел не так много. Мой внутренний скептик заявлял о пяти километрах, но нога, начинающая теперь пульсировать, кричала, что позади все десять. Я был склонен к тому, что истина где-то посередине. Нужно было устроить ночлег. Вариантов у меня было немного. Я нашел удобное дерево и забрался на него. Нашел две почти параллельно растущих ветки. Перекинул ноги через них и откинулся назад. Пока я укладывался, стемнело окончательно. Единственным пятном в окружающей тьме была надпись у меня на футболке, нарисованная светящейся краской. Но и она пропала, когда я застегнул до самого горла олимпийку. Холодало.

2. Больше не один

Я проснулся с дикой болью в спине. Не самое удобное ложе. Надо было хоть веток каких постелить, чтоб помягче. Я, еле-еле разогнувшись, слез с дерева. Ногу прострелила боль, она немного опухла. Не тратя время зря, снова пустился в путь. Сегодня нужно выйти к людям, иначе завтра меня уже одолеет такая усталость, что я не смогу преодолеть даже вчерашнее расстояние.

От голода плохо соображали мозги. Вопрос «Что произошло?» бился в голове, мешая думать о насущном. В итоге я крупно облажался, на первом отрезке пути забыл делать метки. В панике я чуть не бросился искать обратную дорогу, потом плюнул. Собственно, куда мне

возвращаться? К парашюту. Смешно! Дальше я сознательно отказался от меток. Путь сейчас шел под уклон, так что пока не заблужусь и не буду мотаться по кругу.

Гора становилась все круче. Спускаться было тяжело, я стал чаще оскальзываться, за что нога была совсем не благодарна. Пришлось устроить перерыв. Я сел, где стоял. Отсюда снова было видно небо. Я, видимо, находился на склоне того же обрыва, только чуть дальше. Крупная растительность становилась реже. То там, то здесь торчали небольшие кустарники. Основную же массу составляла какая-то колючая трава и клевер, отчего склон вдалеке казался сплошь сиреневым.

Остаток пути до низа я преодолел быстро за счет того, что половину его проехал на заднице. Искательницу приключений защитили прочные джинсы, а вот олимпийка задралась. Поясница жестоко пострадала, была сплошь исцарапана и теперь ее щипало.

В овраге протекал ручей. Я надеялся, что тот самый, вчерашний, встретить его было приятно будто старого приятеля. Но он был намного шире и глубже, думаю, в самом глубоком месте здесь могло доходить и до колена. От меня нещадно пахло, если не сказать воняло. Потому, напившись, и наевшись в обилии растущей здесь земляники (к слову, голод она несколько не утолила), я решил освежиться, насколько это возможно. Я разделся, постирал футболку и повесил ее на ближайший куст. Ого! На правом плече до самого локтя красовалась татуировка. Странного вида татуировка, хочу я сказать. Длинное двадцатизначное число. Я замороженно провел по ней пальцами. Каждая цифра четко выделялась, как в книгах для слепых. Что бы это могло значить? Счет в банке, какие-то даты, написанные без точек и пробелов? На этом идеи закончились. Пытаясь предпринять хоть что-то, я произнес эти цифры вслух.

И тут на меня словно кадры из фильма хлынули воспоминания...

Я сижу в светлом офисе с панорамными окнами, через стол ко мне наклонился представительный мужчина в темном костюме. Передо мной расстелена карта, где в устье реки стоит отметка.

Я в темной комнате пожимаю руку десятку мужчин.

Я в тату-салоне крепко сжимаю зубы.

Я и тот же представительный мужчина, только уже в военной форме, в самолете. Он дружески хлопает меня по спине и протягивает флакончик. Я залпом выпиваю его, делаю шаг и лечу вниз.

– Это код, – прошептал я.

Только вот что это за код мне не сказали. Боже, и почему я в это ввязался?! Эти воспоминания почему-то приходиться не хотели. Осознав, что я оказался здесь не случайно, мне стало немного страшно. Возникло ощущение, что за мной следят. Я огляделся, естественно, никого не было.

Надеясь на новые улики, я разделся догола и осмотрел себя целиком. Пытаясь добраться до спины, я чуть не свернул себе шею, но так ничего и не увидел. Но на ощупь там было гладко.

На бедре, где, по моему мнению, не самое уместное положение для тату на мужском теле, значилось «Вера + Илья = Николай». Тьфу ты! Татуировка тоже была далеко не мужественной. Хорошо хоть не на пояснице и не обвел красным сердечком. Не знаю, зачем я сделал это тату, одно ясно, я – Илья, Ник – это сынок, а Вера – его мать.

Произнеся все это вслух (согласен, странно, но помогает), я увидел, как наяву, красивую девушку. Она смеялась, нависая надо мной, ее темные волосы щекотали лицо.

Увидел пухлого мальчугана, прыгающего на кровати.

Я невольно улыбнулся.

И тут издали послышался шум, кто-то приближался. Сначала я подумал, что зверь: волк или медведь. Совсем не хотелось бы встречаться с ними. Но потом услышал голоса. Первая реакция – радость, люди, наконец! Но вспомнив о своей непонятной миссии, я решил повременить и не бросаться им на шею. Собрал вещи и прямо как был, голышом, спрятался

в единственное доступное убежище – за куст. Я скрючился и замер, старался даже не дышать. Тихое журчание ручейка не могло бы заглушить шума, если б я попытался взобраться наверх. Судя по голосам, людей было двое. Оба мужчины. Они приближались.

– Он где-то здесь! – сказал один.

– Найдем, не дрейфь, – ответил второй.

Они точно говорили обо мне. Мое сердце ушло в пятки: футболка так и осталась висеть на кусте.

3.Тарабарщина

Мне было страшно. Они ищут меня. Они начнут пытать меня! И я никогда не вернусь к жене и сыну, которых даже не помню толком.

– И где ж ты слов таких нахватался, Иван? – сказал первый голос. Теперь явно слышался деревенский акцент.

– Прости, батюшка.

Батюшка?! Священники что ли? От любопытства я чуть не выполз из убежища, но сдержался.

– Смотри-ка, чего это там. Бесовская одежда, не иначе.

Ну все! Заметили! Я сжался еще больше, будто так мог стать невидимкой. Один из них подошел ближе. Куст затрясся, сообщая мне, что футболки на нем больше нет.

– И чего это?

– Оже кто крамолу какую задумал? – испуганно произнес тот.

Чего?! «Крамолу»? Что за слова вообще? Чудики! Походу оставлять меня в покое эти двое не собирались, к тому же я заключил, что они вполне безобидные. Я встал. Куст прикрывал меня по пояс. Они вздрогнули. Воспользовавшись заминкой, я сумел рассмотреть их. На них были простые холщовые рубахи, перевязанные веревкой, и бесформенные штаны. С глубоким облегчением я обнаружил, что оружия при них не было.

– Елико ты будешь? – сказал сгорбленный старик с белой бородой до пояса.

– Чего буду? – я непонимающе уставился на него.

– Отнуду грядешь? – второй чудик, тот, что помоложе, пытался расшифровать вопрос, но только запутал меня еще сильнее. Я непонимающе хлопал глазами.

– Любо заточный? – обратился молодой к старику. Тот пожал плечами.

Они перемолвились еще парой фраз, из которых я разобрал только отдельные слова «дом» и «бдить». Затем старик направился туда, откуда пришел. А молодой жестами позвал меня за собой, бросив футболку обратно на куст. Я быстро натянул джинсы, завязал кроссовки. Олимпийку надевать не стал, футболка была еще влажная, не хотелось намочить еще и кофту.

Старик ушел уже довольно далеко, скрывшись за поворотом оврага. Молодой ждал меня в зоне видимости. Когда я был готов, он снова помахал руками и заторопился вслед за отцом. Я пошел за ними. А какой еще у меня выход? Мы шли вдоль ручья долго, так долго, что нога снова начала ныть, я хромал. Ручеек постепенно становился шире, вода в нем бежала все веселей. Несколько раз я пытался завязать беседу.

– Иван? – спросил я его. – А я – Илья!

Тот смерил меня неприязненным взглядом и ничего не ответил. Во второй раз, когда нога уже отказывалась меня слушаться, я спросил, далеко ли осталось. Молодой только покачал головой, даже не повернувшись. Я не мог с уверенностью сказать, действительно ли это был ответ на мой вопрос, у него тик такой или он просто отмахнулся от комаров, обитающих здесь в изобилии. Смеркалось. Очень не хотелось бы снова заночевать на дереве. И как только я снова отрыл рот, чтобы потребовать ответов, склоны оврага резко расступились, и мы оказались на широкой поляне, окруженной плотной стеной деревьев. Молодой встал как

вкопанный и жестом велел мне остановиться. Здесь стояли три небольших строения из бревен и плохо обработанных досок. Я невольно улыбнулся. За простыми заборами стоял скот, несколько коров, свиньи. Куры гуляли сами по себе. Где-то слышалось ржание коня. Через полянку под деревьями убежал уже не тонкий ручеек, а поток, имеющий право зваться небольшой речушкой.

Возле строений я заметил несколько человек. Среди них был и старик. Он жестикулировал, указывая на меня. Когда все скрылись, молодой перешел ручеек по перекинутым через него шатким доскам и направился к крайнему, более или менее похожему на дом строению. Я направился за ним, надев по пути олимпийку, чтоб прикрыть тату, для перестраховки. С виду божьи одуванчики, но кто их знает?!

Вблизи «дом» выглядел еще отвратительней. У нас сараи бывают приличнее. Неужели они здесь постоянно живут? Доски почернели и кое-где подгнили. В щели между ними могла пролезть целая рука. Я задался вопросом, почему бы им не построить нормальный сруб, благо халявного материала вокруг достаточно. Но не успел как следует подумать. Молодой вошел внутрь, позвал меня за собой.

Внутри, однако, все выглядело лучше. «Дырявые» стены для тепла были завешаны ковром. Имелась вполне приличная кровать, за пару часов сна на которой я сейчас продал бы душу, не говоря уже о злополучном коде на моем плече. Свет падал только из двери и одинокой свечи на массивном столе. За ним сидел человек, так контрастирующий с окружающей обстановкой, что я чуть не рассмеялся. Мужчина в черном строгом костюме улыбнулся и развел руки, словно зовя меня в объятия: «Илья-я!», – протянул он. – «Мы тебя ждали!»

Я нахмурился. Мне было страшно.

4. Дети

Со страху до меня не сразу дошло, что это не настоящий человек, а очень реалистичная голограмма, проецируемая из белого со скругленными углами кубика не больше ладони, стоящего возле свечи. И откуда у них такие технологии?!

– Садись! – сказал мужчина и усмехнулся. – Не бойся ты!

Я ошеломленно сел на низкий табурет на трех ножках. Вот уж такого я точно не ожидал!

– Ну что, Илья, как добрался? – он расхохотался.

– Вообще-то не очень хорошо, – честно сказать, я не знал, что он хочет услышать. Он! Тот самый мужчина, который был в моих видениях. – Почему я здесь?

– Ты что не помнишь?

– Я помню, вы мне дали выпить какую-то ерунду и подозреваю, что именно поэтому ничего и не помню.

– Это верно. Но ты не должен был забыть своей миссии, только... эээ... об остальном.

– О чем?

– Сейчас это неважно. Сейчас выслушай меня внимательно. Не перебивай. Куб может разрядиться, и у тебя не будет возможности со мной связаться...

– Но! Как я попаду домой? – испуганно спросил я.

– Не перебивай! – рявкнул мужчина. – Главное, ты должен найти причину, куда пропадают дети и почему! Первый ребенок пропал именно здесь. На данный момент в розыске уже пятнадцать детей от трех до четырнадцати лет, и есть подозрения, что все эти случаи связаны между собой. Допроси всех отшельников. Осмотри местность. А потом ты найдешь, как выбраться.

– А что с моей семьей? Они знают, где я?

Мужчина слегка замялся, и тут куб погас.

Я подскочил к аппарату, бессмысленно потряс его в руках и заорал «Что с моей семьей?!». Молодой испуганно посмотрел на меня и попятился, видимо, опасаясь, что я могу наброситься и на него. Я сел обратно на уродливый табурет и уронил голову на руки, пытаюсь осознать услышанное. Что за бред?! Какие дети? И при чем здесь этот идиотский код? Я поднял глаза на молодого.

– Тебя Иван зовут?

Он кивнул. Ну, наконец-то, хоть какое-то взаимопонимание.

– Ты знаешь, что с моей семьей?

Иван покачал головой.

– А что ты знаешь? Рассказывай!

– Не велено! – тихо ответил он.

– Твою ж мать! – тихо выругался я.

– Идем, отведу к тому, аже может баять! – я покачал головой, еще удивляясь их странной манере разговаривать, но все же пошел за ним. Не по словам, а по интонации, я понял, что Иван отведет меня к человеку, который сможет мне хоть что-то доходчиво объяснить.

Мы прошли через двор, мимо шныряющих в беспорядке кур и гусей, мимо длинного барака (из покосившихся окон выглядывали любопытные, но испуганные лица) и, наконец, остановились перед небольшим домиком, стены которого еще не упали вопреки всем законам физики. Как я узнал позже, с задней стороны его подперли крепкими бревнами. Внутри этого домика сидел на низкой лавке сгорбленный старик, он вполне мог согнуться в отцы тому деду, который встретил меня в лесу вместе с Иваном. Его кожа казалась хрупкой как рисовая бумага, полупрозрачные белесые волосы напомнили мне китайскую лапшу – фунчозу, и я еле-еле успел сдержать смех. Одет старик был в перевязанный на поясе мешок из-под картошки, иначе не скажешь, такой же грязный и бесформенный.

– Доброго здравия! – тихо сказал Иван и поклонился.

Дед поднял глаза. Они были до того бесцветные, что стало жутковато. Он указал тонким скрюченным пальцем на дверь и тихим голосом проскрипел: «Иван, гряди вон и докамест подожди подле избы». Иван поклонился, попятился и прикрыл за собой дверь. Как только дверь закрылась (среди этих психов мне уже хотелось сказать – затворилась), старик неожиданно твердым голосом без всяких старинных наречий сказал: «Сядь!». Я подчинился и опустился на лавку у противоположной стены.

– Слушай! – начал старик. – Я знаю, кто ты, знаю, кто тебя прислал. Поэтому можешь ничего не говорить. Я здесь главный, и эти ослы, – он махнул в сторону Ивана, ожидающего за дверью, – мне доверяют. Но у нас пропало трое детей, и народ вот-вот взбунтуется. Ты должен их найти, или хотя бы найти виноватых.

На этом он закончил и, казалось, ожидал, что я встану и побегу искать детей. Но я не двинулся с места.

– Подождите! Я ничего не понимаю. Почему я? Я не смогу вам помочь. Я не знаю ни леса, ни вас, ни ваших детей.

– Иван будет твоим проводником. Возьми с собой Алешку, он хороший следопыт.

– Ну, так а этот Алешка не может найти их без меня? Я-то не следопыт!

– Нет! – отрезал старик. – Уходи!

Я вышел на улицу. Иван вопросительно уставился на меня. Я пожал плечами, вздохнул и сказал: «Алешка нужен».

– Обожди, – сказал Иван и убежал в барак.

Я уже стал привыкать к их речи, что мне совсем (отнюдь, черт бы их побрал!) не нравилось. Через пару минут он вернулся на пару с беловолосым парнем лет двадцати, как и сам Иван. Мы, не сговариваясь, двинулись в сторону леса, противоположную той, из которой до

этого пришли. Лесная тропинка петляла под густой кроной деревьев, то спускалась в небольшие овраги, то поднималась на холмы.

– Куда мы идем? – спросил не меньше чем через час ходьбы. – У меня вообще-то нога болит.

– Так ты же нас ведешь! – сказал Алешка.

– Я?! Я знать не знаю вашего леса, – вскипел я. – Куда я могу вас вести?! Мне даже никто толком не сказал, что за дети у вас пропали и как.

– Хорошо. Я расскажу, – сказал Алешка. Он, видимо, неплохо владел нормальной речью, но забавно растягивал гласные, особенно «о».

– Не велено! – испугался Иван.

На это Алешка лишь махнул рукой и сел, мы последовали его примеру.

– Пропала моя сестра, – начал он, – поэтому я не могу остаться равнодушным. Кто-то с лихой крамолрой восхитил ее ночью, прямо из барака! Прямо перед носом у матушки. Сестре-то всего четыре года от роду. Мать в страшном горе. Я искал, сам искал, но ничего не нашел.

– Я боюсь, что тоже ничего не смогу сделать, – прошептал я, но он будто не слышал.

– Мы решили, что она могла сама пойти ночью в лес, глупая же совсем. Но на следующую ночь пропал еще мальчик, тому уж десять лет. А таче – еще восьмилетняя девочка, дочь моего божатого. Докамест мы не установили еженощный караул окрест домов. Ноги все прекратилось. Но потом Старейшина сказал, что в городе деяти то же самое, и велел никому не ходить по одному, даже взрослым и даже днем. Опосля он принес бесовскую вещицу и велел искать тебя. Вот Михей и Иван тебя и нашли. Старейшина ведает больше нашего, он сказал, что ты поможешь.

Когда он закончил, оба парня уставились на меня, будто теперь я в озарении хлопну ладонью по лбу и достану их детей из-за соседнего дерева. Я покачал головой.

– Нет, парни, я не знаю. Те, кто меня сюда послал, ну, тот мужик на голограмме, ну из этой вашей бесовской штуки, – раздраженно добавил я, глядя на их непонимающие лица. – Так вот, тот мужик, сделал так, чтобы я забыл что-то, но перестарался, и я забыл совсем все. Я только перед тем, как вы меня нашли, вспомнил свое гребаное имя. Я постараюсь вам помочь, но помогите сначала вы мне все это понять! – только теперь я обнаружил, что вскочил на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.